



**ЕЛЕНА
ЕРМОЛОВИЧ**





ЕЛЕНА
ЕРМОЛОВИЧ



ЗОЛОТО
И
СТАЛЬ



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е74

Иллюстрация на обложке – *Мария Григореу*
Серийное оформление – *Василий Половцев*
Внутреннее оформление – *Ирина Гришина*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Издание подготовлено при участии литературного агентства
«Флобернум».



Ермолович, Елена.

Е74 Золото и сталь: [роман] / Елена Ермолович. – Москва :
Издательство АСТ, 2022. – 320 с.

ISBN 978-5-17-147747-9

«И в каком столетии ни живи, никуда не денешься от любви». А уж
тем более если это столетие дворцовых переворотов!

На гребне волны грандиозных интриг и свершений галантного
XVIII века возносятся два великолепных царедворца. Неожиданно для
себя самого на вершине оказывается Иоганн Бюрен, в дальнейшем во-
шедший в историю как мрачный злодей Бирон, фаворит императри-
цы. И Рене Лёвенвольд, авантюрист, темный человек в ореоле скан-
дальных слухов, любимец двух русских цариц и множества принцесс.
Оба добились многого. Однако любые деньги, любая слава, даже сама
жизнь – ничто, когда два урагана сталкиваются в многолетней любоб-
ной интриге...

И начинается посидинок между золотом и сталью!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147747-9

© Е. Ермолович, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

*Setze Du mir einen Spiegel
Ins Herze hinein...
(Вставь зеркало
Мне в сердце...)*

Немецкая народная песня




*Летними ногами на волжской набережной
города Ярославля можно видеть тёрную каре-
ту, в которой сидит человек в старинной шля-
пе и спрашивает у одиноких прохожих — как
проехать к дому Иоганна Бирона?*

Сайт «Городские легенды Ярославля»



Савонарола и уховёртки



 Дождевая туча задела лохматым подбрюшьем острый крест лютеранской кирхи, насупилась, брызнула синими каплями. И полынь вдоль дороги, намокнув, запахла терпкой отчаянной горечью.

Возле домика пастора Фрица остановился «полуберлин», некогда превосходный, но теперь повидавший виды. Кучер, путаясь в полах длинной, не по росту шитой одежды, филином слетел с облучка и распахнул скрипучую поцарапанную дверцу.

— Золдат, зонт! — послышался в недрах кареты брызгливый голос.

Тотчас из раскрытого проема показался и расцвёл зонт, изумрудный, разрисованный плывущими змеями и раскосыми японками. Кучер утвердил напоследок подножку и почтительно отступил.

Из кареты выбрался сердитый стремительный дед, и нарядом, и профилем схожий с кладбищенской птицей, и зашагал к дому — гвардеец, тот самый «золдат», нёс над ним зонт в вытянутой руке. Сам «золдат» под зонт не стремился, предпочёл мокнуть, как настоящий мужчина.

Дед был ярославская знаменитость, ссыльный герцог, господин Биринг (бывший Бирон). Ярославцы, не ведая сложно-го слова «герцог», именовали сего господина попросту князем,

и тем всё ж ему льстили: не был он ни герцог более, ни князь, никто — всё потерял.

Цербер Сумасвод приставлен был к ссыльному высочайшим повелением — «дабы бывший Бирон ничего над собою не сделал». Государыня беспокоилась в безмерной доброте своей, что ссыльный герцог лелеет в душе самоубийство. Сам же Сумасвод цинично полагал: подопечный его попросту намерен «нарезать винта», вот и даётся ему охрана. Угадал ли гвардеец тайный высочайший промысел — бог весть...

В прихожей пасторского дома цербер Сумасвод с треском схлопнул зонтик и привычно уселся в углу на лавку, прикрыв глаза — как будто отключился отлаженный механизм. Князь ли, герцог? — вложил под мышку французскую шляпу и, грохоча ботфортами, прошёл в комнаты.

В гостиной дочка пастора Аничка, семи неполных лет, кружилась на месте, в синем колоколе домашнего платья, и повторяла, зажмурясь, просящей немецкой скороговоркой:

— Чёрт-чёрт, поиграй да и отдай! Чёрт-чёрт, поиграй да и отдай! Тойфель-тойфель...

Ножка стула обвязана была платком, и льняные углы торчали вверх — как чёртовы рога, как заячьи уши.

Аничка Фриц была мулатка, кофейно-шоколадная, черноглазая. Матушка её, пасторша Софья, бывшая герцогинина камеристка, и вовсе была настоящая, чернейшей, густейшей масти природная арапка. Аничке достались от мамы иссиня-смоляные кудри, чуть разведённая белилами масть, смешные розовые ладошки — и способность притягивать взгляды, всегда и везде. Ведь чудо чудное, диковина.

— Тойфель-тойфель... — шоколадно-кофейный, в пёстрых лентах, волчок крутанулся на остром мысочке и замер — сквозь ресницы и завесу кудряшек девочка разглядела гостя. Аничка отбросила от лица волосы и встала, голову запрокинув, словно соизмеряла свою невеликую высоту — и стоящее перед нею и над нею тёмно-бархатное, бесконечно высокое высочество — увы, давно бывшее.

— Анхен, а прилично ли дочери пастора вслух поминать нечистого? — спросил девочку князь, без улыбки, двумя руками опираясь на трость. Аничка очень ждала, что вот так он непременно выронит из-под мышки шляпу — но нет. Удержал.

— Добрый день, ваша светлость. — Девочка сделала книксен и кокетливо спрятала лапки под передник. — Я потеряла гребешок. А тойфель — он умеет находить такие вещи, которые вот только что тут лежали — и нет...

— Милая Анхен, помогает найти утраченное и потерянное святой Антоний Падуанский, но отнюдь не тойфель-тойфель, — наставительно и сурово проговорил гость и, близоруко прищурясь, оглядел гостиную. — Белая костяная расчёска, верно, Анхен?

— О да!

Тёмно-бархатная светлость в три гулких шага оказался у печки и с чутунной приоткрытой выюшки снял пропажу.

— Вот видишь, Анхен, вовсе и не чёрт...

— И ваш Антоний — он тоже нет! Папи читал мне о нем. Святой Антоний не ищет совсем ничего, он — покровитель влюблённых, животных и всех отчаявшихся... — Девочка насладилась потрясённой физиономией гостя — после собственной блестящей богословской тирады — и торжествующе цапнула добычу из протянутой руки. — Спасибо! Я изнизу не увидела его. А вам хорошо, вы длинный...

— Анхен! — Сам пастор Фриц явился, привлечённый головами, из дальних комнат.

— Ой, папи! Пардон муа, ваша светлость! — Аничка ещё раз присела, с напускным смирением, но в сливовом взгляде её плясало искрами торжество.

— Ступай, Анхен, — вкрадчиво велел пастор, и девочка шмыгнула на улицу, за спиною у длинного высочества.

— Объясни уже ей, что я не светлость, — сердито и грустно попросил князь, — отец мой.

— Люди привыкли...

— Я здесь шестнадцать лет, а ей — семь, — напомнил князь. — Что ты так смотришь? Думаешь, за каким он припёрся, старый гриб?

Пастор Фриц — лупоглазый, с личиком усталого мопса — миролюбиво пожал плечами:

— Я рад принимать вас всегда, сын мой...

— Помнится, в Пельме я видел у тебя книгу. Когда вещи тащили из огня... Я ещё подумал: откуда у тебя, и вдруг католическая книга? Принеси мне её.

Пастор сглотнул, почесал зеркальную плешь.

— Ваша светлость ошибается...

— Не светлость. И не ошибается. Книга, тощая, как тетрадь. Речи Савонаролы. — Он уже мерил шагами комнату, и каждый шаг сопровождался ударом трости. — Неси. Отец мой...

Пастор ещё раз пожал плечами, уже сокрушенно, удалился в комнаты и вскоре вернулся с тоненькой книгой в простом переплете. Пока он ходил, гость вышагивал по горнице зловещими кругами, и сердитая его трость с грохотом лупила по половицам.

— Я принёс. — Пастор протянул ему книгу. — Но, ради моего спокойствия, скажите — зачем это вам?

— Есть вещи в душе, которые хочется выжечь, вырезать, как гнойную язву. Отец мой... — Князь свернул книгу в трубку и спрятал в карман. — Я не умею, не знаю как. А этот католик — знает. Как убрать от себя, сжечь внутри лишнее, то, что не даёт жить...

— Я загляну к вам вечером, сын мой, — пообещал пастор почти злоеще.

— А я могу отказаться? — хохотнул саркастично гость, вернул на голову шляпу и, не прощаясь, вышел — пастор услышал в прихожей его командный склочный голос:

— Золдат, зонг!

Пастор смотрел ему вслед, в темноту прихожей — с жалостью и тревогой. Бедный узник, в темнице гордыни и памяти... Душа, терзаемая драконом...

Огнедышащим драконом – пастор Фриц помнил, и превосходно, тот пельмский пожар, шестнадцать лет назад, из которого и ташили они когда-то и свои пожитки, и ту несчастную книгу.

Чёрные перья, пепла и сажи, и сноп огненных искр – столп, попирающий бездонное, последнее, мутно-белое сибирское небо. И человек в соболиной шубе, надменно скрестивший руки, бархатный, стройный, зловещий силуэт на фоне едва не сделавшегося для них бездонным, последним, погребальным – костра. И вот так же, как только что, в глаза его – чёрными птицами, огненным смерчем – гляделся, посмеиваясь, дьявол...

Он ведь поджёт тогда и тюрьму свою, и их всех, деливших с ним изгнание, и себя – что-то ему наскучило? Тогда...Что-то хотел он – выжечь?

Дождь почти что закончился, когда дряхлый «полуберлин» вкатился во двор белоснежного купеческого дома. Домик купца Мякушкина выделен был ссыльному семейству от щедрот городского головы и за полтора десятка лет успешно оброс истине вавилонскими строениями, флигельками и пристройками. Особенно выделялись позади дома царственная конюшня, и могучий птичник, и великолепная псарня. И, возле самого крыльца – манеж, наподобие римских, но весьма и весьма в миниатюре.

Над этим манежем и натянут был полотняный трепещущий полог, и под пологом помещалось почтеннейшее ссыльное семейство – герцогиня-мать и два принца-наследника. Все трое с надменным видом заседали на стульях, а чуть поодаль переминались два караульных, два лакея и два повара – каждой твари, как говорится...

– Зонт можешь сложить, – разрешил князь своему Сумасводу, не слыша биения по куполу звонких капель. Сумасвод убрал зонт под мышку и следовал за ссыльным в привычном полусаге – так, чтобы можно было сразу же схватить его, если

что, протянутой рукой. Князь прошагал по аллейке розовых кустов и потрясённо уставился на семейство под пологом:

– Вас что – ограбили? Выгнали вон?

– В комнатах ухováртки, папи. – Младший наследник, принц Карл, трагически завёл подведённые глаза.

– И вы – боитесь? – не понял князь.

– В доме аптекарь, он их убивает, – скупно и словно нехотя пояснила герцогиня. На коленях её лежали вышивание и молитвенник – скромный походный набор, неизменная отрада сердца. Где бы ни была она, герцогиня Бинна – в покоях Летнего или в Петергофе, в тёмной караулке Шлиссельбурга, в пахнущей дёгтем арестантской лодке, по Каме-реке везущей ссыльных в Пелым, в чёрной арестантской карете, в пельымском срубe, – вышивание и молитвенник всегда лежали у нее на коленях.

В оконных проёмах видны были аптекарь с подручным, из картонных распылителей тщательно кропящие мебель и занавеси. Князь сразу же узнал эти их пшикалки – в прошлой жизни то были флаконы для равномерного обсыпания париков пудрой.

– Папи, я хотел говорить с вами, – старший принц, Петер, повернулся и даже приподнялся на стуле. Он был похож на мать, как только может быть похож юноша – такое же маленькое нежное лицо с мелкими и хищненькими чертами.

– Так говори, – пожал плечами князь и направился к конюшне по дорожке, выложенной бархатными мшистыми плитами. Сумасвод двигался за ним, в вечном полушаге, как сурок за савояром.

Петер бабочкой спорхнул со стула – не зря когда-то давно танцмейстер прутиком гонял его по танцзалу. Он в три прыжка догнал отца, подбежал с того плеча, где не было Сумасвода, и горячо зашептал по-французски (Сумасвод не знал по-французски):

– Папи, папи, я не могу так больше! Сделайте для меня то, что вы делали для Лизхен, сыграйте и со мною в её игру!

Возненавидьте меня, хоть на три недели! Пусть воевода и мне даст бежать...

— По-русски говорить или по-немецки, — вклинился в его щебечущую тираду металлический голос Сумасвода.

Князь остановился перед дверью конюшни и выговорил по-французски, с совершенно германским произношением, не обращая на Сумасвода ни малейшего внимания:

— Который раз ты просишь? Шестнадцатый? Нет.

— Почему — нон? — взмолился Петер, он-то Сумасвода послушался и перешёл на немецкий.

— Потому что Лизхен была девица, и преуродливая, куда бы я её здесь пристроил? Вот и сбыл с рук. А ты — сиди. Сбежишь — все потеряешь. Ты мужчина, красавец, наследник, и притом первой очереди. Ты женишься легко, когда будет партия. Герцог Лозен женился в восемьдесят. Утешай себя одним: я так люблю тебя, что не в силах возненавидеть даже понарошку.

— О, папи, как вы жестоки! — Прекрасный принц закрыл лицо руками, хотел заплакать, но не заплакал. Ведь глаза у него, как и у младшего брата, подведены были тонкими стрелочками.

— Ступай к матери, — по-немецки проговорил князь и положил руку на ручку двери.

Петер показательно вздохнул и пошёл по дорожке прочь — и так изящно ставил ноги, что отец его невольно подумал: не зря он всё-таки нанимал для сынишки танцмейстера. Щёгольские принцессы ботфорты сзади были забрызганы грязью, почти до самых колен.

Сумасвод, с зонтом под мышкой, вытянув шею, что-то высматривал за забором. Князь проследил за его взглядом, прежде чем шагнуть в конюшню. За забором, за шипастым калиновым кустом, прогуливалась злобная фигура с лицом, повязанным тряпками, и в русской шапке с оригинально торчащими вверх ушами. Неудивительно, что Сумасвод залюбовался — летом, и внезапно такая шапка...

— Идём, золдат, — напомнил о себе князь и, не глядя более на гвардейца, вошёл в полутёмное, ароматнейшее чрево конюшни.

После дождя на землю сошла долгожданная прохлада, к вечеру воздух задышал и травами, и цветами, а на волжском берегу запахло ещё и тревожно-пьянящей, сладко-госкливой речной водой.

Деревянная лестница, долгая-долгая и белая-белая, призрачно-белая в сумерках, спускалась с высокого берега к самой воде. По утрам на самой нижней ступеньке бабы полоскали своё бельё, а сейчас на нижней ступеньке сидел князь с удочкой — и ловил рыбу. Рядом стояло ведёрко, и горел тёплый уютный фонарик на круглой литой подставке, а на две ступеньки выше дежурил неизменный Сумасвод.

Пастор Фриц с высоты взгляделся в тёмные силуэты, в нежный, с ореолом, огонек фонаря. И, цепляясь одной рукой за перила, другой — придерживая длинный подол, принялся осторожно спускаться. Чуткий Сумасвод тотчас повернул к нему голову — мелькнули белки глаз и блик на крупном носу. А князь не шелохнулся — но спина его и плечи неумовимо передёрнулись, и пастор понял, что «сын его» узнал его шаги и не глядя.

— Добрый вечер, сын мой. — Пастор добрался до нижних ступеней и присел, чуть пониже Сумасвода, чуть повыше ссыльного своего прихожанина.

— Пока он добрый, отец мой, — не поворачивая головы, отвечал ему рыбовод, — бог весть, как пойдёт дальше.

— Вы взяли ту книгу, сын мой...

— Ещё не читал, — буркнул князь, — некогда. Тебя смущает, что она католическая? Бинна моя — католичка — уж как-нибудь и книгу я переживу.

— Другое, — смиренно отозвался пастор, — меня смутили ваши слова, сын мой. То, что терзает вас, не находя выхода,

то, что желаете вы в себе убить, посредством этой — не самой уместной в подобном деле — книги.

— И? — оживлённо спросил князь, впрочем, так и не повернувшись. — Займёшься этим? Заменишь собою книгу?

Сумасвод сейчас же с крихтением поднялся на три ступеньки выше — предположил, что подопечному его вот прямо здесь предстоит исповедь.

— Тот человек, в чьей смерти вы себя вините, — начал вкрадчиво пастор, змеино склоняясь к затылку своего прихожанина, почти уткнувшись носом в его лунно-белую, бантом украшенную косу, — он сам желал погубить вас. Вы дурно поступили, когда отдали его на смерть, но казнить себя бесконечно за то...

— Того я не отдал на смерть, я его попросту убил, — прервал сердито собеседник, — как пристреливают охотники паршивых собак. Ты дурак, Фриц. То отыгранная игра. Эта рана никогда и не болела. Есть другая рана, и болит так, что не выжечь никакой твоей Савонаролой. Бедный мой, пропащий обер-прокурор... Двадцать лет уж прошло, двадцать три года. У меня нет друзей, и не было, Фриц, никогда — только он один...

— Он умер из-за вас? — осторожно, тише спросил пастор, догадываясь, что сейчас он, как тот апостол, вкладывает персты в раскрытую рану.

— Я выпустил его из рук, загляделся, заигрался — первые планы, первые большие газарты. Он об одном просил меня — «не покидать и защищать», ведь я взлетел, а он остался на земле. Не покидать и защищать... Я сам хотел бы простить себя, но как простишь? Хорошо католикам — исповедался и пошёл, свободный, до следующего раза...

— Это не совсем верно, сын мой.

— Сын мой... — Словно очнулся князь, вытянул из воды леску, сложил хитроумное голландское удилице. — Знаешь ли, пастор, что по-французски «грешить» и «рыбачить» звучат одинаково? Одно и то же слово — «pêche». Золдат, бери ведро! Идём домой.